

Маргарита Родина

Должок Родине

Маргарита Родина Должок Родине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73138243

SelfPub; 2026

Аннотация

Детективный роман эпохи очередного «смутного времени» России, пришедшегося на начало нового тысячелетия.

Страна разорена и растеряна. Экономика в упадке, перспективы не радуют. Кто может, тот старается сбежать из неё, поскорее куда-нибудь за границу, чтобы пережить, переждать, хоть как-то устроиться, забыть.

Вот и Маргарита Родина, молодая, крепкая сибирячка собралась в Германию, сначала на заработки в качестве няньки для двух берлинских близнецов, а там уж – как получится. Может, встретит того самого заморского «Принца на белом коне», который полюбит и увезёт её в тёплый сказочный мир? Почему бы и нет? Другим же везёт... Если верить жёлтой прессе и слухам.

Но нет, «Принца на белом коне» Маргарита не встретит. По крайней мере в этой, первой книге открытой ею серии его пока нет.

Но зато она наконец-то станет по-настоящему ценить и любить то, что покинула в погоне за европейскими миражами.

И попутно сама станет не только детективом, но и активным героем истинно криминальной истории.

Маргарита Родина

Должок Родине

Глава 1

Она мне как-то сразу не пришлась. Не из наших, не из простых и ясных людей штука. Узколиция, узкотелая, будто с гламурного журнала слетевшая дива: брэнд на брэнде, не в огороде нарытый загар плюс духи улётные. Ну и волосы тоже. Не волосы, а картофельное пюре, свежевзбитое, на молочном пару. А губы-то, губы – черт-те что, а не губы: налитые, мосластые. Такая присосется, с мясом не отдерешь.

Сказал бы мне кто тогда еще, что из-за этой вот всей из себя мадам я скоро всем рисковать начну, всем, чего я в моей жизни путного добилась, – покоем, какой-никакой, но зарплатой, свободой, несудимостью, долгожданным, нелегким трудом добытым правом на жизнь и работу в такой удобной и в общем-то безбедной стране как Германия, – я на то лишь рассмеялась бы.

«Чтобы я, да из-за этой вот? В криминальную историю ввязывалась? Это что – шутка?» – сказала бы я на то, «Дурная, между прочим, шутка...»...

И все же, все же... Как говорит моя, в Сибири оставшаяся прабабка Маруся, перекрещенная мной еще в детстве в Барусю: «Мы рождены, чтоб дурные шутки сделать былью и болью.»

Так вот. С этой дамой я познакомилась, если, конечно же, склоку ту можно вообще назвать знакомством, – давно. Скоро вот уж скоро четверть века как. И случилось это в Москве, на Белорусском вокзале, при нашей посадке в поезд на Берлин. Тот самый, ставший историческим, состава за номером 13, чье единственное назначение в ту недобрую пору в том только и состояло, чтобы вывозить истосковавшиеся по чистоте в общественных местах постсоветские народы в европейскую границу.

В наше купе я явилась первой. Первой порадовалась хрустящей свежести добротной, на экспорт заправленной кровати. По меловой белизне простынки расстелила последний номерок нашего «Мирного Коммерсанта», водрузила на него всё моё, на трассе Иркутск-Москва порядком истрепавшееся дорожное хозяйство: мамин чемодан, тогда еще нелепого китайского производства, потому и не раз уже переkreщенный телесного цвета клейкой лентой, на него – огромный, в красно-бело-голубых полосах баул ходовой российской модели, именуемой также «оккупантов триколор», и сверху еще – пластиковый пакет: со снedyю внутри, и со слегка уже подвядшей, некогда праздничной надписью «Нашему Мирному городу бриллиантов 40 лет!» – снаружи.

Мордастаенькая, под японку косящая якутка в меховом исподнем еще улыбалась на заснеженном полиэтилене. Ее мятый, моржовой кожи бюстгальтер все еще тоскливо поблескивал.

Я присела. Постельное белье хрустнуло подо мной как свежий коржик. И тут-то она меня и настигла, – тупая, многопудовая усталость. Вполне понятная, надо сказать, усталость: дорога от моего родного города Мирный до Москвы стоила мне трех дней и четырех ночей моей жизни. Пересаживаться пришлось аж три раза: в Красноярске, в Иркутске и в Екатеринбурге: до того уж велик край, из которого я в ту пору «делала ноги», и до того жидка сеть его транспортных сообщений.

По-настоящему начать отдыхать оказалось все же рановато. Только я успела глаза прикрыть, как подбитая стальными ручками распахнулась, и в купе хлынула весенняя свежесть. Аж чихать потянуло – до того острой, кусающей, резкой она была, свежесть эта.

И тут-то предо мной она и возникла.

– А ну-ка хлам вон, – говорит она и тычет ухоженным дамским пальцем на мой измученный скарб. – Это, между прочим, мое место!

Меня саму она при этом как бы и не заметила. Это меня-то, с моими 84-мя кило живого веса, еще к тому же ясно помеченными, и не абы как помеченными – а броско, с размахом: вся грудь у меня от китайских страз так и сверкала.

Да и грудь мою, кстати сказать, тоже – скромным выпуском карманного формата ну никак не назовешь. Честный пятый размер, без всяких резиновых хитростей. Лифчик мой вполне может послужить спаренной ушанкой для большего-

ловых сиамских близнецов. А она, вот ведь какая, меня не замечала.

Ну, что меня, несмотря на мою монументальную статью люди в упор не видят – к этому я уже и дома привыкла. И не замечают меня в первую очередь – мужчины. За до сих пор, пожалуй, одним-единственным исключением, пол Брада Питта, Герхарда Шрёдера и Владимира Путина каждый раз пролетал мимо меня, не то что вниманием, даже беглым птичьим взглядом меня не одаривал. В глазах абсолютного большинства мужчин на земле меня нет. Для них я просто великовата – как для «Титаника» – тот айсберг.

Такая вот твердоголовая действительность, я на нее даже и не сержусь. Моя, тоже не то чтобы ювелирным лобзиком выточенная подруга Галка Дубова уже однажды высказалась по этому поводу: «Времена охоты на мамонтов давно прошли,» сообщила она, «современный мужчина, не в пример своим доисторическим прадедам, настроен на иные, деликатные мишени. В полупрозрачную, не плотнее плевка вегетарианца деву, любой сегодняшней охотник попадет сразу, с двухсот шагов. А вот упитанную соседку под боком он видеть не станет. Такие вот гадкие глаза у сегодняшних мужских особей, поганая такая сетчатка.»

Всё так. Однако игнорировавшая меня в данный момент особь – мужчиной вовсе не являлась. Наоборот: она была очень даже женщиной, к тому же из тех, что куда чаще увидишь в журнале или в телевизоре, чем в общественном

транспорте. Кожа ее, гладкая и блестящая как рекламном ролике от «Лореаль». Тело ее – тонкое и обезжиренное – дальше некуда. Всё как сегодня надо. Всё не как у меня... Только вот личико ее слегка выдавало. Хоть и без полувековых морщин и гусиных лапок, в нем все же прощупывался подлый возраст, автоматически загонявший ее, пусть и по одним только числовым показателям, но все же в один ряд с моей рано поседевшей мамой. Родив меня в семнадцать, к сорока годам моя мама уже вполне готова к прыжку в старшее поколение.

Самой-то мне в ту пору было двадцать три. Будь мне двадцать четыре, в Германию меня уже никто бы не пустил. Привозным нянькам, именуемым в Европе «о-пэр», старше быть не позволяется.

– И что теперь? – поинтересовалась мадам. – Сколько мне еще тут стоять и ждать?

Торчащий у нее между грудями усыпанный брюликами крест остро блеснул на меня: аж в глазах резануло. «Таким крестом впору человека убить,» – вдруг подумала я, «да и ради такого креста человека убить – ничего не стоит».

– А ну-ка! Убрать отсюда это позорище! – повторила она. Если бы выдры говорили по-человечески, у них был бы точно такой голос, – Живо! Это мое место!

Она все еще меня видела. Теперь она смотрела в окно, туда, где переполненный перрон как раз начал отделяться от нашего поезда.

– Еще чего? – донесся тут до меня мой собственный писклявый голос, – И не подумаю!

«С теми, что тебя в упор видеть не желают – политика одна!» – учила меня Баруся, давно еще, когда я во время кормежки еще в слюнявчике сидела, «И политика эта: зубки наголо и вперед! О так! Так! Так! Ату! И еще одну ложечку! Так! Так! Да! Хорошо-о! Ааттглична!»

– Ах, скажите пожа-алуйста! – снова услышала я свой противно дребезжащий голос, – Никакой это, дамочка, не хлам! И никакое не позорище! Это мой Ге... дэ... пэ...

Свежевыученное немецкое слово никак не давалось, ни в какую не произносилось,

– Пэ... гэ... кэ... гэк...

– Ваш «гепэк» мне тут ни к чему, любезнейшая, – перебила меня нахалка, на столичный лад растягивая слова в длину и в ширину. – Мне всего лишь нужно мое место, на котором вы, как я смотрю, уже так по-хозяйски расположились.

– Интересееено! С каких это пор это ваше место? – вскрикнула я, – Это мое место!

Самозванка повозилась немного с золотой молнией на своей вышитой гладью сумке, вытащила билет.

– Извольте убедиться, уважаемая, – сказала она, – Здесь все четко и ясно написано. Для таких как вы – еще и печатными буквами. Вы хоть читать-то умеете, нет? Ну так смотрите! Поезд номер 13, тринадцатое место!»

«Непёр в квадрате», – прокомментировал бы Сергеич, от-

чим мой, выстраивающуюся ситуацию.

Теперь, четверть века спустя, я нет-нет да спрашиваю себя: ну почему? Почему я тогда не махнула рукой на это проклятое тринадцатое место? Почему осталась? Надо ведь было сразу же, без лишних слов, тряпки в охапку – и бежать. Подальше оттуда! Вон! Пусть не из поезда, но уж по крайней мере – из этого купе, в котором уже так несло поддельной весной и предстоящей бедой. Лучше б я где-нибудь в сортире схоронилась, как накануне, в вагоне Иркутск-Екатеринбург. Ничего, небось бы выстояла. Трасса Москва-Берлин, она ведь только в эпоху всемирных войн – длинная, а на самом деле: всего-то тыщёнка вёрст да полтора дня ходу. По нашим сибирским понятиям – смешной ведь масштаб. Трамвайное расстояние, не более.

Ума не приложу, почему мой обычно такой предупредительный ангел-хранитель решил покинуть меня именно в тот момент. Должно быть, его моя задетая гордость с толку сбילה.

– Вы, москвичи, небось думаете, у нас в Сибири одни безграмотные живут? – услышала я, как эта самая гордость выплескивается из меня нервными, рвотными толчками, – Что мы даже с цифрами не знакомы! Так что ли?

Плечи расправила, и грудь вперед выбросила. Это у меня была почетная миссия такая: великую российскую провинцию от столичной заносчивости защищать. Сибирь она ведь – не только самая великая провинция мира – она к тому же

еще и моя родина.

От ярости у меня аж в глотке пылало.

– Да и вообще! – хрипела я, – Чтоб денег на это вот место в этом вот поезде наскрести мне полгода пришлось пахать! Без выходных! Не то, что некоторым. И что же? Чтоб потом его так запросто отдать?! Ну уж нет! Не выйдет!

Мадам приподняла брови. Только теперь взгляд ее понемногу опустился до меня. Только теперь я рассмотрела ее глаза – и умолкла.

Какой бы противной эта тетка ни была: глаза у нее были – высший класс! Большущие и чистые, причем не черные, не голубые, не зеленые и не серые, а того лучистого многоцветья, которое разве что с нашим природным сибирским чудом было только и сравнить, с «Северным нашим Сиянием». Самые что ни на есть дизайнёрские глаза.

– Видите ли, милое дитя, – произнесла хозяйка всей этой неземной красоты, – чем там именно вы заработали себе на билет в Германию меня мало интересует. В данный момент меня интересует лишь мое место, которое вы с присущей индивидуумам вашего племени беспардонностью оккупировали и объявили своей! Точка!...

Она протянула руку, собралась было скинуть мои баулы на пол.

– Лапы! Лапы убери! – вскричала я, – Мало, что Москва потаскала у нас все наши якутские бриллианты, теперь вот еще и ты тут, норовишь мое законное место из-под меня вы-

хватить!

На губах ее зазмеилась усмешечка. Застрявший между грудями бесстыжий крест засверкал еще ярче.

– Ваше место, разлюбезная, – сказала она, – там...

Покрытый кроваво-лиловым лаком ноготь угодил якутке на моем пакете прямо в фотогеничный, на японский манер подведенный глаз. Ветхий поэлитилен дал трещину и пополз, пополз.

Вот тут-то он и вылез. Нож, из-за которого потом весь сыр-бор и разгорелся. Точнее – пока даже не сам нож, а его рукоятка, крепкая, зеленая и ухватистая как возвращенный на отечественных пестицидах и радиоактивных отходах огурец.

Сам нож принадлежал когда-то давным-давно моему прадеду Коле.

«С этим оружием в руках прадед твой с Германии фашистскую грязь соскребал!» – сказала Баруся, перед самым моим отъездом сунув эту знатную штуку ко мне в продуктовый пакет, – Европы освобождал. Твой прадед, он ведь тоже в Германии побывал. В Берлине. Много-много лет тому назад.»

Сказала и всхлипнула от души, моя в обычные дни не знающая слабости и слюняйства прабабка.

«Этот ножик будет и тебя на чужбине от недобрых людей охранять!»

Баруся отдала мне в дорогу самое дорогое, что ей осталось от ее рано ушедшего мужа. Сам-то прадеда Коля сгинул еще

в 1948-м, когда Сталин со товарищи чинили в нашей стране предпоследнюю уже перетряску. Та еще старая история...

Мне самой – что Сталин, что Карл Великий, что Тутанхамон – всё одно, – замшелая древность. Другое дело для моей восьмидесятичетырехлетней Баруси: по ней – уход ее первой и единственной любви случился не далее как вчера. Пока в их тогда еще ленинградской квартире шел обыск, она прятала этот нож у себя под грудью, положив сверху моего новорожденного деда Виктора. Так, вдвоем, они главную улику-то и скрыли. Полицая тогда просто в голову не пришло, что можно было еще и под сосущим младенцем порыться. Новичком, надо думать, был, заработался или попросту – халтурщик попался, из тех, что работу свою не слишком любят.

Прадеда моего Колю, правда, все равно забрали. Прячь улики – не прячь, времена были такие, сволочные: чтоб человека «врагом народа» назвать и с концами в Сибирь без права переписки сослать, не то что ножа, коробка спичек в качестве вещественного доказательства активной подрывной деятельности хватало.

Прадед мой Коля сгинул, а вот боевой его нож под грудью у жены остался. И так оно там и пролежало, это, в тепле поросяче-розового лифчика согретое холодное оружие, пока Баруся от лагеря к лагерю в поисках мужа и заработка плутала и попутно растила – сначала сына, Виктора, потом внучку Евгению а потом уж и правнучку – Маргариту, меня то есть.

– Место ваше, уважаемая – там! Далеко-далеко! В Сибири! – считала теперь эта женщина, кивая на разъехавшуюся надпись «Городу Мирный – 40 лет!», – В этой зэковской глуши, что, если память мне не изменяет, где-то у полярного круга располагается. Там, где разве что на оленях-то и можно передвигаться, ну и на собаках...

«Сама собака!» – чуть было не откликнулась я, но... не откликнулась. Все смотрела на Барусин нож и на изуродованную им якутскую улыбку.

– Вы что же, не видите? У нас в Европе и так тесно! Не продохнуть! Для всех этих, с той стороны Уральского хребта на нас несущихся монгол, бурятов и прочих орд попросту нет места! – все говорила и говорила, не мне, а как-то вниккуда эта лощеная столичная фашистка, – Ну неужели непонятно?! Ну почему этому люду не сидится у себя дома, на своем месте? Что они у нас тут вообще потеряли – все эти якуты, чукчи, самоеды и все прочие, как их там?...

Моя правая рука уже вся подобралась: один только рывок, и она выхватит из пакета Барусин ножик, и тогда, и тогда...

– Ну-ка, ну-ка, да-амы! Попрошу! Кончайте-ка!

Должностное женское лицо подбежало к нашему купе как раз вовремя.

– А ну-ка взяли успокоились!

Проводница была круглой и веселой как размалеванная на экспорт матрешка. И из-под ее медово-сладких духов немного несло свежееоткупоренными шпротами и водочкой.

– Ну чо вы ей богу обои так раздухарились-то? Ничо ж по сути страшного не произошло! – принялась нас мирить наша вагонная хозяйка, – Ну, выставили вам в ваших турагентствах два билета на одно место! Подумаешь! Делов-то! Это ж не паспорта! И не выигрыши в лотерею!

– Два билета на одно место? – рассмеялся за ее туго утянутой в форму спиной крепко сбитый молодой человек, качок качком, в камуфляжной распашонке, – Молодцы ребята!

– У вас что ли тоже билет в наше купе – растерялась я, – Тоже на мое тринадцатое место?

–

Не, у меня пятнадцатое место! – ответил наш новый попутчик и помахал своим билетом, – Так что не рыдай, толстомясенькая, а переползай лучше ко мне, на мою коечку: я тебя не обижу.

– Не положено, – посмурилась проводница, – вдвоем на одном-то месте. Все-таки международный вагон. Что иностранцы-то подумают?

– Ни к кому я в койку не полезу! – возмутилась я, – У меня в этом купе свое законное место имеется! Тринадцатое!

– Тринадцатое место у меня, – сказала мадам и поставила на простыню свой игрушечного вида чемодан.

– У меня в вагоне только одно тринадцатое место, – напомнила проводница, – А пассажиров на это место – два... Это значит... значит...

На ее просторном лбу обозначилась двухколейная морщи-

на.

– Это вы мудро заметили, – подзадорил ее пассажир с пятнадцатого места, – Налицо явная подделка. Не скажу, что это такой уж прямо неслыханный феномен. Подделка, с ее последующей двойной, двойной, а то и вообще – тысячекратной реализацией – самая плодоносная бизнес-идея наших дней. Билеты подделываются, деньги, приглашения, «бренды», куклы «Барби»... люди...

– Ну, положим, у меня на руках никакая не подделка! – поджав губы, заявила моя соперница, – Мой билет я приобрела в центральном офисе РЖД в Москве.

– Можно подумать – мне мой билет в копи-шопе выставили! – не сдавалась я, – Он у меня тоже настоящий! Еще какой настоящий!

– Эй, бабоньки, милые! Мы живем в эпоху глобализации, уже забыли? – все смеялся наш новый сосед, – То есть – в эпоху тотальной де-оригинализации!

– Деоре? – переспросила я, огорошенная неслыханным, столичного шика словом, – Де-роли... Гизации?

– Час от часу не легче, – закатила глаза мадам, – До деохренилизации договорились!

– Де-ори-гина-лиза-ция, – повторил качок, – Это значит, настала пора окончательного прощания с оригиналом как таковым! Понятно?

Когда он смеялся, его долларового цвета глаза так и лучились, а во рту мелькало больше дыр, чем зубов.

– Скоро в мире ничего не останется кроме копий, репродукций, пародий, клонов... кукол...

– Ах, какая прелесть, – скривилась моя новоиспеченная врагиня, – Мир глобализированных фальсификаторов и пародистов, провозглашенный мелким жуликом и аферистом... Занятно. Однако, пока эпоха эта окончательно не наступила, уберите-ка весь этот оригинальный мусор с моего места... Живо!

– Ни за что! – отрубил я, – Это мое место! Я была первой!

– Первой еще не значит – законной...

– Ну кто тут у нас незаконный, это еще надо...

– Ну да-амы! – взмолилась проводница, – Ну, пожа-аалуйста! Давайте не начинать снова собачиться! По-крайней мере – до Берлина, хорошо?

Я и не хотела ни с кем собачиться. Ни до Берлина, ни после. Я хотела на свое место. И это не получалось.

– Вам обеим ведь еще повезло, – все веселился наш новый пассажир, с готовностью демонстрировал он нам свой, в стоматологическом плане экономно оснащенный рот, – У нас в Ростове я, к примеру, знавал одного довольно-таки успешного предпринимателя, которому удалось продать московскую квартиру своей тещи аж целых 34 раза. Само собой – 34-м разным покупателям. Такой вот он был, стара-ательный бизнесмен. И это ему даже сходило с рук, некоторое время. Пока он на моего босса не попал. Ему он тоже попытался эту квартирку загнать. В 35-й раз. Бедняга...

– Бедняга? – спросила проводница, округлив свои и без того круглые как рублики глаза, – Что произошло с этой квартирой? Ее что же – пришлось на 35 кусков делить?

– Ну, не совсем... – наш новый попутчик, все улыбаясь, дернул плечом, – Это моего дружка пришлось делить. И продавать.

– Как это? – не поняла я, – Живого человека как разделишь? Как его, живого, продашь?

– Это ты верно заметила, живого разделить и продать сложнее, чем жмурика, – кивнул новоприбывший специалист по деоригинализации, – Но и на то специалисты имеются. Как только блестящая бизнес-идея моего приятеля была раскрыта, его самого продали его семье. Порционными кусками. Жена его получила по почте 35 компактных посылок.

– Оххх!

Выражение моего лица вызвало у этого южно-русского дельца новый приступ крепкого гортанного смеха. Покончив со смехом, он некоторое время изучал стразы и вышивки у меня на груди. Потом кинул свою спортивную сумчонку на вторую нижнюю койку, ту что под номером 15.

– Расслабься, толстомясенькая! – сказал он, многообещающе мне подмигнув, – У меня тут еще дельце одно. В соседнем вагоне. Заказчик. Можешь, пока то да се, на мои нары прилечь. До госграницы точно не вернусь. Отдыхай, короче. А там посмотрим.

Перед тем, как скрыться, он повернулся ко мне, и, уперев-

шись взглядом мне в грудь, добавил.

– Меня кстати Витьком зовут, – сообщил он, – Чтоб ты знала, толстомясенькая! На всякий случай.

Глава 2

То, что наступило потом «отдыхом» назвать было трудно. Последние восемь часов на земле моей разлапистой родины я провела, уткнувшись лицом в пупырчато-синюю, скрипучую стенку, и яростно мечтаю. Нет, вовсе не сказочная немецкая чужбина окрыляла мое воображение, пока дива за моей спиной разбирала свой чемодан...

Чтоб предметец этот вообще назывался чемоданом... На дорожную кладь он ни сколечки не тянул, скорее уж на золотую клетку с райскими птичками. Разноцветные волнистые попугайчики отливали на нем шелковыми перьями, стрекозы сверкали бисерными глазами, ящерицы извивались, бабочки – вот-вот крыльями запорхают и улетят. Не чемодан, а яйцо Фаберже, до которых олигархи наши, говорят, так охочи.

Лежу я так, на чужой койке, мечтаю. Планы мести, один слаще другого, сменяют друг друга в моей взбудораженной несправедливостью голове.

Место действия первого плана мести: русско-белорусская граница. Вот они, плечистые блондины в ладной, киношного покроя форме, являются к нам в купе. Не проронив ни слова, они хватают мою соседку. Сажают наручники прямо ей на её браслеты. Сталь на золото. На перекошенном болью лице

самозванки – наконец-то вырастают приставшие ему по возрасту морщины. И от всей ее брэндовой красоты – и пшика не остается.

Бравые ребята берут мою обидчицу под руки, уходят. А я – жду, пока в тамбуре стихнет топот сапог, и деловой матерок пограничных служб уляжется, после чего перекочевываю на мое законное место. Под табличку с номером 13.

Потом, где-то через полчаса ко мне в купе возвращается самый симпатичный из пограничников. Он снимает с полки последнее вещественное доказательство существования моей бывшей уже соперницы. Ее до смешного нарядный чемодан.

У паренька отличное настроение: причиной своей радости он готов поделиться даже со мной, обычной, невоенно-обязанной пассажиркой. Он говорит, что сегодня – праздник, причем не только лично для него и для его коллег, но и для всего народа нашей Родины. Только что, на моих глазах, российским пограничникам удалось-де поймать и обезвредить знаменитую преступницу по кличке «Маскалка», особо дерзкую воровку, специализирующуюся на краже драгоценностей государственного значения. На этот раз Маскалке удалось похитить гордость фонда «Алмазный фонд», бриллиантовый набор «Царица Востока». Еще пара-тройка минут, и злоумышленница улизнула бы из страны, с добычей вместе, а потом иди-ищи ее, в мутных западно-европейских водах.

Перед самым уходом пограничник дает мне подержать чемодан преступницы. И шепотом поясняет, что глаза вышитых на нем бабочек и райских птиц – никакие не стекляшки от «Зваровски», как на исходной модели от «Гуччи», а тоже осколки самого-самого нарядного фонда нашей великой страны. На что я ему не без гордости признаюсь, что сама, еще раньше их обо всем догадалась, в бриллиантах разбираюсь, потому как сама родом из алмазного края... «А чего ж нам сразу не сообщила?» спросит паренек, – «Напарница что ли? Соучастница?»

«Нет! Нет! Никакая я не соучастница!»

Я затрясла головой, ушиблась о стенку, отбиваясь от своего же, захавшего не в ту степь сценария.

«Я так просто! Я сама по себе! И никакого чужого краденного добра, особенно того, что с государственным значением, мне и даром не надо!»

При следующем, уже немного подредактированном раскладе – месь моя происходила уже иначе. На самой последней границе к Германии вдруг выяснялось, что заносчивой моей попутчице путь в эту страну вообще заказан. Стоящая у нее в паспорте виза окажется давно как просроченной. Это обнаружат ново-европейцы на белорусско-польской границе. «Эва, вы там, вельможна пани, шо расселись ту, як на курорте, а документики нэ у порядку!» – загалдят, вдвоем, а как целая рада, – «А ну-ка! З мэсту разем и до дому! Збэрай-теся!» Пшла вон, короче. Ишь, в Германию собралась. «Не

для пса келбаса». Или правильнее – «не для псыны»?

Она, конечно же, попробует сначала по-дамски всплакнуть, разводя и портя красоту своих глаз, но только вот дамские слезы ее для мужиков этих что утренняя роса, только сердце им радует и освежает. Делать нечего. Придется ей с насиженного местечка за номером 13 слезать, из нашего купе, из нашего вагона, из нашего поезда уходить. Мне ее даже жалко станет, я дам ей окаменевшие остатки Барусинового пирога и пузырек нашей, Родинской клюквенной настойки. Всё веселее ей на заплеванном пограничном перроне сидеть будет, дрожать и, по-столичному матюкаясь, дожидаться обратного поезда на Москву. А там уж пусть садится на мое тринадцатое место. Я не против...

Всё это я бесслышно каркала моей соседке. Но клянусь, знай я тогда, что мою попутчицу в Германии на самом деле ожидает, я от всех моих планов мести тут же отказалась бы. Честное слово. Я ведь не изверг, не кровожадная нелюдь какая, настоящего зла никому, даже откровенным врагам не желаю.

Ну, разве что ее завистливый взгляд я себе в утешение вообразила бы, при виде встречающего меня у Берлинского Восточного вокзала голубого лимузина. И только.

В этом облегченном сценарии на месте водителя оказался бы мой будущий немецкий работодатель, герр Шмидт, собственной персоной. Такой, каким я его себе в течение последних месяцев представляла: порядочный, во всех отно-

шениях интересный господин, не то, чтобы очень уж молодой, но и не из тех, кому бремя лет нести уже стало тяжело. В меру серебра в волосах. В меру благоразумия в глазах. Однако высоким и широкоплечим пусть он все-таки будет, этот самый герр Шмидт, и непременно с шелковым платочком на шее. Я по телевизору как-то Принца Чарльза с такой штукой видела. Породисто выглядит, факт.

С букетом элегантных цветов герр Шмидт будет стоять на перроне и кротко ждать меня, все два с половиной часа, на которые наш поезд непременно опоздает. К моменту моего прибытия жена его давно уже вернется домой, вместе с промерзшими детьми. Ни для фрау Шмидт, ни для ее детей в трогательной сцене нашей встречи подходящих ролей не предусматривалось.

Перрон будет потихоньку пустеть. Через десять минут на нем останутся одна только нарочитая, с неуместной стильностью одетая блондинка, и ее обсиженный неместными птицами чемодан.

Никто-то фасонистую диву в Берлине встречать не станет. Никому-то она в Германии не будет нужна, чего обо мне, простой, без выкрутасов девахе из российской глубинки ну никак не скажешь. Ведь ради того, чтобы я появилась в этой стране, герру Шмидту пришлось выложить аж целых 500 Евро, что в переводе на нашу тогдашнюю сибирскую действительность означало – зарплату моей мамы за квартал, или же Барусину ветеранскую пенсию за 10 месяцев. Не мне, по-

нятно, в руки Герр Шмидт мне это состояние заплатил, а посреднической фирме RussNanny, поставляющей в страну Maggi, Nivea и Hipp свежих сиделок и нянек.

Глава 3

– Давай-дава-ай! Попу сдвинь-ка, толстая! Живо!

От крепкого шлепка по моей правой ягодице все мои марципановые мечты вдребезги разлетелись.

– Проснись, сладкая, граница скоро! Нашей славной родины последний кордон! – загудел в глубине моего среднего уха Витьков трубный рык, – Руки вверх! Ноги и титьки тоже!

Парень хрюкнул, как будто с нервинкой: и над головой у меня заплясало облачко, пропитанное запахом березового сока, луковой колбасы и водки.

– На границе все имеющиеся в наличии ценности предъявлять! – сообщил Витек, – А то обратно домой их вывести не дадут! Понятно?

– А при мне и нет ничего такого! – проворчала я ответ, – Никаких ценностей. А то зачем бы я тогда в Германию ехала...

– Не прибедняйся, давай.

Витёк изучал мою грудь в видимым интересом. Скользящая ситуация. Перед тем, как завалиться на его койку я ведь, как полагается, рассупонилась, и теперь грудь моя так и дрыгалась вся, скакала туда-сюда как пара охочих кроликов.

– Ты, бы не слишком скромничала! Драгоценностей у тебя вон сколько – аж в глазах от них рябит, – заметил Витёк,

сверкнув на меня, похоже, единственной своей драгоценностью, перевозимом у него во рту металлическим зубом. – Ты бы их пожалуй все-таки задекларировала. А то по возвращении, глядишь, трудности возникнут... Назад в Россию увести не дадут. В Германии оставить заставят.

– Назад в Россию я еще не собираюсь! У меня виза – на целый год! – огрызнулась я, в невыспавшемся состоянии я редко паинька, – И вообще, я, может, в Германии с концами останусь? Тебе-то какое дело?

– Ну ладно, ладно! Уж и пошутковать нельзя.

Витёк присел на койку рядом со мной, внезапно задумался.

– Вам, юным приезжим самочкам в Европе не жизнь, а рахат-локум с сиропом! – произнес он, – Вид на жительство вас не тревожит. Рано или поздно каждая из вас найдет себе там местечко по вкусу. Нам же, юным приезжим бычкам труднее... уж куда труднее! В Европе, а уж тем более – в Германии спросу на нас никакого. Визу и право на пребывание и работу никто нам так запросто не подарит...

– Вот в этом вы, молодой человек, совершенно правы! – подала тут голос наша притихшая было попутчица, – Приезжих бандитов в Европе, и уж особенно – в Германии, где закон, как известно, превыше всего, и впрямь никто даром терпеть не станет. И Слава Богу.

Она оторвала от книжки свои обалденные глаза и улыбнулась нам с ложным участием.

– Иностранные криминальные элементы в немецких тюрьмах редко задерживаются, – сказала она, – Немецкий налогоплательщик вовсе не готов кормить у себя дома еще и преступную лимиту.

Ее улыбка казалась все мягче и добрее, как у дикторши телевидения, вещающей о теракте в далекой чужой стране.

– Приезжих бандюг выдворяют из страны сразу!– добавила она, – Отправляют на родину под конвоем! Прощай, Германия! Навсегда! Ах да... Перед отправкой у них на всякий случай снимают отпечатки пальцев. И копию радужной оболочки. А с недавнего времени – просят еще и в пробирку поплевать. Чтобы прощание с этой страной было окончательным и бесповоротным...

Дыхание у Витька засуеилось. Естественный «аромат» молодого, без чрезмерного усердия ухоженного мужчины от этого стал лишь крепче.

– Хотя, – в улыбке нашей теперь уже общей противницы мелькнула сочувственная нотка, – Право на постоянное пребывание в Германии и в Европе все же достать можно. Даже таким сомнительным элементам как вы. Причем даже навсегда.

Она помолчала, поулыбалась: наша с Витьком дружная неприязнь к ней доставляла ей видимое удовольствие.

– Иностранном, как вы сами давеча изволили выразиться, жмурикам иногда все же позволяют остаться в Германии, – сказала она, – При условии, конечно, что никто их не опо-

знает. И что ни одна живая душа их так не хватится.

– Че... че... чег...

Давно не бритый кадык парня дернулся будто от боли. Витёк попытался ответить, вмазать, поставить поганку на место. Чтобы не зазнавалась, не воображала, не смотрела на нас свысока, брезгливо, со значением, щурясь. Я тоже думала, что бы ей такое хлесткое сказануть. Чтобы и у нее, в ее холеном столичном нутре тоже все заныло и заболело. Как у меня.

Но не сложилось. Не удался нам с Витьком наш совместный отпор. Опоздали мы. Таможеники уже ворвались в наш вагон, сразу и со всех сторон, и взяли его, как павшую крепость. По-хозяйски затопали и захлопали дверьми. Занунали, задавай-давай-давайкали.

Витёк сжал руки в кулаки и сдавленно промолчал. В тревожной близости российской таможни затевать разборку ему было ну никак нельзя. Лишь позже, уже в Берлине я узнала: Витьку было, чем рисковать. В неброской, казалось бы, небрежно вскрытой пачке сигарет, выглядывавшей из нагрудного кармана его буро-зеленой кацавейки у него лежало 19 новеньких отмычек, одноразовых и надежных. Вскройся эта вершина российской конверсионной продукции на границе, Витьковой карьере как специалиста ОТС настал бы «блиц-конец».

Что именно скрывается под аббревиатурой ОТС, – это я тоже в Берлине узнала, хотя и позже, гораздо позже.

Витьковы страхи не оправдались. Дядька в бетонного цвета форме даже не потребовал от него открыть сумку. Еще меньше привлекла его внимание тропическая живность на дизайнерском чемоданчике нашей попутчицы.

Профессиональный интерес российского таможенника вызвал только один человек из нашего купе. И и этим человеком была я. Точнее даже – не я, а принадлежавший мне предмет. Из моего попорченного пластикового пакета сумки высунувшийся нож. Тот самый нож, которым мой прадеда Николай в свое время Берлин освобождал.

– Смотри-ка! – оживился таможенник, с энтузиазмом улыбнувшись, – Что это у нас тут за игрушечка такая интересная!

Он осторожно, как трофейную фарфоровую статуэтку, извлек из расхристанного пакета Барусин нож. Основательно оглядел его со всех сторон.

– Мдааа.... Вот это я понимаю, – качественная работа! – произнес он, немного погодя, с неподдельным восторгом в голосе, – Таких роскошных аппаратов давно уже никто не производит! Десятки лет уж как не производит, факт!

С каждым словом голос его звучал все торжественнее.

– Вы полюбуйтеесь! Совершенство в действии! Это вам, граждане, не ножик – это миссия! Причем в самом, что ни на есть оригинальном исполнении 1943-го года! Просто класс!

Зажав в жирной ладони мой нож, он размахнулся и разрубил воздух купе на четыре чётких остроконечных куска.

– Кр-р-р-уто! Никакого сравнения с отштампованными на конвейере железками! – сообщил он, – Сегодняшними боевыми ножами и огурец как следует не ошкуришь! Позорище, в самом деле!

Я улыбнулась и бросила победный «ну что-съела?» – взгляд на мою сидевшую на моем тринадцатом месте захватчицу. «Пускай ты, лапа, вся сплошь и в «брендах», – внедрила я в этот взгляд, – в модных кожах и лаках гуляешь, ядерные вон кресты носишь, и аршинные каблуки, на которых прямо хоть сразу в Голливуд, – ерунда это всё! На настоящие драгоценности, из которых наша славная история состоит – тряпки твои, дорогая, ну никак не тянут! По сравнению с оружием моего прадеда они – ничто. Так себе, бутафория, в глазах свербящая пыльца.»

Мой разбухший от гордости взгляд она и не заметила. Ее в данный момент только древний, весь в струпьях полуободранных слоев краски пограничный столб в окне интересовал.

– Так-с... Тут, стало быть, имеет место несанкционированный экспорт оружия? Деятельность, между прочим, сурово преследуемая законом.

Пыльно-серые глаза таможенника засеребрились. Они оторвались наконец от натертой временем рукоятки и посмотрели на меня – вдруг строго и по делу.

– Вы что, не знали, что провоз в общественном транспорте каких-либо колющих и режущих предметов абсолютно за-

прещен?

Я заморгала.

– Гражданочка, я вас что-то спросил!

– Я... меня... не... так сказать... – пробормотала я, – Я этот нож просто так... взяла с собой... на дорогу... ну чтобы... в пути... хлеб порезать... консервную банку открыть...

– Хлеб, значит, порезать, – кивнул таможенник. Радость на его лице не предвещала ничего хорошего, – Консервную банку открыть... Та-ак. Этот прекрасно сохранившийся боевой нож образца ХП-2, с клинком стали У7, выполненный по спецзаказу на Тульском военном заводе – для резки хлеба и вскрытия консервов – самое что ни на есть «оно»!

Улыбка его уже перестала быть улыбкой: слишком сизые зубы, слишком сизые губы,

– В датируемой 1942-м годом инструкции к применению, правда, и упоминается, что нож этот готов к всестороннему использованию, сомневаюсь, однако, что производитель именно такое использование имел ввиду... Хлеб порезать... Консервную банку открыть... Черт-те что...

Он снова посмотрел на Барусин ножик: никогда б не подумала, что серые глаза способны к тому жару. Ему, как сказала бы Баруся, впору на сцене выступить, таможеннику этому, в роли Отелло или Хосе. А не в чужих походных пожитках рыться.

– Разумеется, боевое оружие иной раз и в домашнем хозяйстве применимо, – добавил он, – Пистолетом можно, к

примеру, гвозди в стену забивать. Ручные гранаты – на елку вешать, в качестве новогодних украшений. Пулемётом дверцу шкафа придерживать... Но чтобы в заполненном пассажирами поезде, да еще в поезде международного назначения, его перевозить... Исключено. Это вопиющее пренебрежение всеми нормами безопасности! Это – чистое преступление!

Таможенник выразительно замолчал. От тишины в купе сразу заложило уши. Минута прошла, другая.

– И что же теперь? – осторожно спросила я, – Что же мне теперь делать?

– Ничего, – ответил чиновник, все еще улыбаясь, – Скажите «спасибо», что вы как раз на меня напали. Я-то ведь вижу, что вы это не со зла, что вы без дурных намерений действовали, верно?

Я изо всех сил кивнула.

– Ну да! Я в самом деле не знала! Честно!

– Ну вот, видите!

Он посмотрел на меня снова, на этот раз просторным, доброжелательным взглядом.

– Дальше меня случай этот не пойдет.

– Вот спасибо!

– Я вас, так и быть уж, пропущу. Ехайте себе на здоровье, барышня.

– Спасибо! Спасибо!

– А вот ножичек здесь останется.

– Э-э-э... че-го?

Мне показалось – я ослышалась.

– Оружие я должен конфисковать. Обязан.

– Кон... фис... чего?

– Отдать его вам в руки я не могу. Это было бы слишком опасно. Это было бы вопиющим нарушением всех постановлений и конвенций!

– Но вы... вы не можете... Вы не можете его у меня забрать! – всхрипнула я. – Это ведь вообще не мой ножик!

– Не ваш ножик!? Чей же он тогда!?

Мужчина в форме цыркнул глазами вправо-влево. Взял Витька на прицел.

– Вас кто-то попросил перевезти оружие через границу?
Отвечайте!

В глотке у Витька что-то как будто заерзало: вверх-вниз, вверх-вниз, будто он пытался проглотить целиком ручную гранату, а она все внутрь никак не пролезала.

– Я тут не при чем! Не при чем! Не при чем! Не-а! – сипел он при этом, – И вообще я вижу ее в первый раз, в первый раз, честно, в первый раз!

Звучало – как взявший точный разгон рэп, совсем как на молодежном празднике нашего города.

– Это моей прабабушки ножик! – сказала я, – Единственная память о моем прадедушке!

– Все нарушители так говорят, – покачал головой таможенник, – У меня знаешь где они сидят, все их прадедушки,

прабабушки...

Я представила себе Барусино лицо, узнай она, что боевое оружие ее мужа в итоге досталось этому толстопузому, плоскозадому типу в просиженной серой форме бумажного крысолова, и в груди у меня загудело.

– Ну не могу, не могу я вам этот ножик отдать! – закричала я, – Ну просто никак, никак не могу!

– Раньше думать надо было! Тебе!

Тыкнул, прям как в грудь меня пырнул.

– Ну пожалуйста, будьте добры! – взмолилась я, – Товарищ генерал, миленький!

– У-у-укх...

Попутчики мои дружно хрюкнули, как будто раньше это репетировали. Плевать. Мне надо было срочно прадедову память выручать.

– Я больше никогда-никогда... товарищ генерал! Обещаю!

Так лихо мною в высшие чины возведенный чинуша польщено улыбнулся. Щеки его приобрели розоватый, человеческий оттенок. Но он все равно не сдавался.

„Орднунг мусс зайн!“, произнес он зрелым генеральским голосом, причем по-немецки, – Порядок должен быть. Понятно?

Мадам на тринадцатом месте мелодично вздохнула, со скучающим видом показала пограничному столбу в окне свой прилежно выкрашенный затылок.

– Порядок... – усмехнулась она, – Умереть – не встать!

Из своей сумочки она достала изящную, ей под стать, немецкую книжечку и сходу принялась ее читать: по-настоящему читать, а не только делать вид, что читает. Одна только книжка ее в этом мире и занимала. Ни впавший в профессиональный раж представитель российской таможни, ни затаивший дыхание, хвост поджавший Витёк, ни тем более – я с моими неприкаянными семейными реликвиями ее не интересовали.

– Ну ладно, – сказал наконец таможенник, – Так уж и быть. На, забирай свой ножик. Вот.

– Ой! – всхлипнула я, – Вот спасибо! Спасибо! Благодарю!

– Обещай, что больше никогда-никогда...

– Никогда-никогда! Обещаю! Сибирское честное слово!

– Однако за нелегальный провоз оружия тебе все же придется заплатить штраф.

Мне показалось, или я в самом деле услышала, как я моргаю, как ресницы у меня захлопали... хлоп-хлоп-хлоп...

– Ш-ш-штр... Простите? Вы сказали – штрррр...

– Весьма и весьма символический штраф... если принять во внимание тот факт, что тут дело вообще пахнет... Контрабандой и незаконной торговлей оружия...

Только тут я сообразила, что к чему.

– Сколь-ко? – прошептала я.

– Триста.

– Триста – чего? – Надежда на шадящий исход этой

истории все еще теплилась во мне. – Рублей?

– Триста долларов! – прозвучал ответ.

– Сколько?

– Сколько-сколько!?

Даже Витек встрепенулся. Он поднял до того погруженный на самое дно купе взгляд и посмотрел на мужчину в полувоенной серой форме со смесью любопытства и уважения. «Вот это я понимаю – тарифы и ставочки!» читалось в этом взгляде, – «Может, мне, в самом деле, лучше на такую вот хлебную госслужбу податься?»

– У меня таких денег нет! – шепот мой перешел в шепот, почти в свист, – Честно – нет!

– Тогда ничем не могу помочь! – ответил представитель российского закона, – Значит, ножик все же придется конфисковать. Изъять...

– Но я ведь не могу, – пожирала я его умоляющими глазами, – ну просто никак не могу вам его отдать! Моей прабабушке такое вот подсуропить! Я же ей обещала, что буду его как зеницу ока хранить и беречь, нож этот.

– Тогда плати.

– Не могу я платить! – уже рыдала я, – У меня с собой всего-то 100 долларов! Это всё, что родня мне общими усилиями на дорогу наскребла. И не больше. Если я их вам сейчас отдам, а в Берлине меня никто не встретит, что тогда? Что со мной будет? Я ведь в Германии никогошеньки не знаю!

– Это твои проблемы, – стоял на своем козел этот, в фор-

ме, – Вот оставила бы ты этот нож дома, их бы не было, проблем этих.

– Но я его дома не оставила!

– Именно. Значит – плати.

– Да поймите, поймите же вы, наконец! Пожалуйста!

Таможенник отчаянья моего в упор не понимал, или делал вид, что не понимал, но Витёк – тот понял. Он осторожно повернул ко мне свое напрягшееся лицо и улыбнулся, пусть косо и одной только половинкой, но зато вполне виновато.

«Ты, типа, прости меня, толстомясенькая, – читалось в его пристыженных, баксового цвета глазах, – я бы тебя с радостью из этого дурдома вызволил, да не могу... не могу я... Сама, видишь, на мели я, да еще на какой мели! Вот на месте, в Германии, там – совсем другое дело. Там бы я тебе эту «зелень» живо достал, честно. Вот погоди, приедем в Берлин, и тогда...

Да что мне Берлин?... В Берлине никакого ножа у меня уже не будет. И Витькова помощь будет мне нужна как покойнику крем от морщин или касторка.

– Ну так что? – Терпение таможенника на глазах исчерпывалось. – Ты что же думаешь, ты у меня тут одна такая, с проблемами? У меня тут таких как ты целый вагон. Нет у меня времени, с тобой тут решения и консенсусы высиживать. Работа ждет.

Прощание с ножом, помнящим прикосновение не только пальцев моего пропавшего прадеда, но и пожизненное груд-

ное тепло моей прабабки давалось мне труднее, чем прощение с моим родным городом, с моей мамой, с Барусей, с моей подругой Галкой Дубовой. Я снова всхлипнула, на этот раз – изо всех сил, полной грудью.

– Не знаю как вам, а с меня этого цирка хватит!

Моя первая противница в этом неладном купе, зараза, согнавшая меня с моего законного места, звонко захлопнула свою книжицу.

– Это что тут, простите, за ерундистика такая крепчает и развивается? – поинтересовалась она уже привычным своим, по-столичному заносчивым тоном, – Настоящему мужчине пристало шашку свою у достойного противника отбивать, в открытом и честном бою, а не выщygивать ее у всяких нищих и беззащитных дурочек.

Вот. Теперь она меня еще и нищей беззащитной дурочкой обозвала. В глазах у меня защипало.

– Сегодняшние герои! – все тем же скучающим тоном продолжала она, – Где они вообще обретаются? Они что же – так-таки все в жуликов и сотрудников нашей славной погранслужбы перестроились что ли?

Брезгливо морщась, она порылась у себя в сумочке, вытащила вышитый бисером кошелек, и оттуда – три новеньких американских сотенки.

– Вот вам... забирайте свою трофейную выручку, г-г-г-г-кх-генерал, – и, упредив лакейский жест таможенника, добавила, – Нет. Никакая квитанция мне не нужна. Знаю я их,

эти ваши квитанции. Цена их не выше, чем у перезимовавшего под снегом бычка.

Деньги мигом затонули в болотной ладошке мужика в сером. Таможенник поднял руку в парадном приветствии и кротко ретировался. Последил, чтобы дверь за ним закрылась помягче.

– Совсем обнаглели и страх потеряли, пограничнички, – прокомментировала моя неожиданная-негаданная спасительница, снова погружаясь в свою книгу, – Раньше такса у них и полтинника не превышала, рублями. А теперь вот, на европейские потребительские корзины ориентированы, их грабительские походы. Черт-те что...

– Я бы тебя, толст... ой, прости,... киса, тоже с радостью выручил! – наконец-то нашел и Витёк свой речевой орган снова, – Честно! Только не здесь и не сейчас, когда у меня в кармане ничего кроме номера мобильного моего будущего берлинского хозяина...

Витька я не слушала. На его угрызения совести мне было теперь наплевать.

– Эти триста долларов, – обратилась я к моей избавительнице, со всей вежливостью, на который была способна, – я их вам конечно же верну.

Избавительница не откликнулась. После ее блистательно проведенной операции моего спасения она мне казалась ее противнее, еще пакостнее.

– Скоро, правда, очень скоро у меня появятся деньги, –

сказала я, – Меня ведь в Берлине ждет отличная работа. Официальная. О-пэр. Целых 300 евро буду в месяц зарабатывать.

Мадам молчала.

– Хотите, я вам мой рабочий контракт покажу?

И на мой рабочий контракт она смотреть не пожелала. Он ее нисколько не интересовал. Ее только ее проклятая книга интересовала, игрушечный томик под названием «Железная маска. Новое рождение старой лжи». К тому же еще и по-немецки.

Голос мой постепенно твердел.

– Самое позднее – через месяц вы получите ваши деньги назад! Я вам это обещаю! Слышите?

Она меня не слышала. Она, блин, все читала и читала. Так бы прямо и вырвала у нее из рук ее книжонку, разодрала, ключки ей прямо в надменное лицо и швырнула бы.

– Мне нужен только ваш адрес, – вместо этого все клянула я, – или номер вашего банковского счета, на который я смогу перевести вам ваши деньги.

Ни тебе адреса. Ни тебе номера банковского счета. Ничего. Ну неужели до того уж интересная и захватывающая книга? «Железная Маска», чтобы ее черт побрал, «Новое рождение старой лжи». Ни мне с ней тягаться, ни, по моим понятиям – головокружительной сумме в 300 долларов США.

Я подняла голову и тут обнаружила его, ответ, который я у моей спасительницы так безуспешно выпрашивала. Он

смирно смотрел на меня, свисая с багажной полки. К ручке обсиженного райскими птичками чемодана был прикреплен ярлык авиакомпании «Люфтганза». Сам ярлык казался уже порядком истрепавшимся, однако имя недоступной владелицы багажа все еще вполне читалось, равно как номер ее домашнего телефона.

Я вскочила на ноги.

– На вот! Тут, тут записывай! – порадовался за меня и Витек и протянул мне старый немецкий кассовый чек и ручку.

„Олимпия фон Кляйстер“, перенесла я на бумагу. „Телефон: (030) 678 98 99.“

Крутое имячко у моей защитницы, ничего не скажешь! Неудивительно, что она так выкаблучивает! Аристократка.

– Запиши уж заодно и мой телефончик, – шепнул мне Витек, – на всякий случай.

– Какой еще такой всякий случай?

– Я бы очень хотел тебе хоть чем-то помочь, окажись ты снова в трудной ситуации, – сказал Витек, – То есть: по-настоящему помочь... В смысле – не как в этот раз...

– Ну ладно... Давай...

На чеке как раз осталось немного места, чтобы накорябать на нем информацию следующего содержания: „(0173) 23 01 64 56 – Витек!“

«Все равно ведь я эту записку скоро выброшу!» подумала я. «Вот как верну долг, так сразу всю эту мою несложившуюся дорогу на Берлин как дурной сон и забуду».

Откуда же мне было в тот момент знать, как непросто бывает некоторые долги возвращать. Какая это порой долгая, муторная, а главное – какая это небезопасная задача.

Глава 4

Говорила же мне Баруся: не мечтай. Мечты наши слепы и придурковаты. Они то и дело путают имена, лица, прописку, потому и являются в итоге вовсе не по адресу.

«Желания-то наши, может, исполняются,» – считает Баруся, – «да только не у нас, а у наших соседей. И хорошо еще – если у добрых соседей, а не у тех, от которых одна вонь, скандалы да пруссаки с тараканами...»

И на этот раз Баруся оказалась права.

У берлинского вокзала «Лихтенберг» в самом деле красовался расовый лимузин, пусть и не голубой, каким я его себе разрисовала, а скорее уж – цвета «карамель МУ», но все же – вполне со своей материализацией справившийся мерин. Только вот дожидался он не меня.

Более того: на добротный, среднеевропейский манер привлекательный мужчина средних лет на берлинском перроне тоже присутствовал. Прямиком из моей еще свежей мечты вылупившийся герр Шмидт. Всё-то при нем: ухоженная улыбка, осанка, в серебристой оправе очки, элегантные мужские морщины на лбу, и в руках – что надо букет, а не какой-то там впопыхах на бензоколонке купленный третьедневочный заморыш.

Только что оказался он вовсе не «моим» герром Шмид-

том, и встречал он не меня. А встречал он – ее, мою недобрую соседку, Олимпию фон Кляйстер.

Вот должно же было так сложиться? Чтобы розы в несмятом целлофане были с нежным, как в кино поцелуем препода-несены – именно ей. Хорошо хоть, что в мою сторону оба даже не глянули. Красиво обнявшись, уплыли от меня в берлинскую неизвестность. А возникший из дымного перронского воздуха носильщик туда же отнес и вполне в эту картину счастья вписывающийся чемодан с райскими птичками.

Я глядела образцово показательной парочке вслед и злилась. Уже даже не за себя злилась, а за мою бедную, неизбалованную житейскими радостями маму. Ей ведь тоже не помешало бы заполучить в спутники жизни такой вот роскошный мужской экземпляр, – думала я, – чтобы хоть немного от Сергеича дурного, отчима моего отдохнуть.

А то ведь та еще радость, Сергеич этот. Элемент он повреднее плутония. Строит из себя талантливого изобретателя, а на деле – одни придирки да зудеж от него, ничего кроме каждодневной досады да ерундистики. Всегда ведь найдет, чем бы таким заковыристым нас всех поизводить. В этом, и правда – в одном только этом, он у нас одарен и изобретателен, Сергеич наш. Майки ему, видите ли, в слишком жесткой воде выстираны, щи ему, видите ли, недосолены и специи в них не те, да и получка, что мать ему и его событыльникам в дом на блюдечке приносит – жидковата. Вообще – ведет себя Сергеич так, будто такого высокородного принца как он

мама моя не заслужила и никогда уже не заслужит.

А случись Сергеичу раз в пять лет принести домой с рыбалки страдающую булемией щуку-ветеранку, так ведь голову в такие занебесья задерет, подумаешь – он каждую из нас, и маму, и Барусю, и меня – миллионным выигрышем осчастливил. Ну и требует к себе соответственно, если и не Орден Почета, то уж по-крайней курс праздничного питания на все последующие три месяца. И еще подавай ему за это, чтобы мы его за нашего кормильца и бесспорного главу семьи держали, со всеми приличествующими почестями.

От такого-то кормильца впору не то что в Европу удрать, – а и в Конго, в Нигерию какую-нибудь там, в Тринидад с Тобаго. Туда, где...

– М-м-м... Маргерита?

Чахлый, почти бесполоый голосишко вернул меня назад на немецкую землю.

– Фрау Родьи-и-на?

«Вот она тебе, пожалуйста, и заграница!» сообразила я вдруг, «Не успела приехать, а тебе уж тут имя до того измордовали и изуродовали, сама себя не узнаешь! Хотя... Я, может, их имя «Шмидт» тоже как-то не так произношу? Не так, как в тут в Германии принято, – как-нибудь слишком широко, слишком по-славянски распахнуто, слишком по-иностранному?»

«Герр Шмидт?» спрашиваю я со всей осторожностью и разворачиваюсь. При этом разве что не обрушиваюсь всей

своей статью на какого-то незадавшегося мужичка, который мне к тому же еще и изо всех сил улыбается.

Да, выглядел он, прямо скажем, поганенько, этот в античную, в желтых пролещинах джинсу упакованный типчик. Даже по нашим снисходительным мирненским меркам – никуда. По внешним своим данным – вполне бы сошел за какого-нибудь из Сергеичевых выпивох-«камарадычей», разве что, пожалуй, еще пообтрепанней чем они, побосычистей. Белки глаз, сразу видно, давно как порыжели: знатный, надо думать, курильщик, пару пачек в день – сквозь себя точно пропускает, а то и все три. Чудно только, что на костистой шее у него – шелковый шарфик висит, такой некстати благородный и дорогой, да еще сплошь из моих любимых цветов: голубого, красно-оранжевого, черного.

– Герр Шмидт? – спросила я еще раз, на всякий случай. Все еще надеялась, что это слабое, неубедительное явление – всего лишь некая переходная ступень к «настоящему герру Шмидту», моему действительному немецкому работодателю. Его шофер, может быть, его слуга, его батлер, что ли, призванный только встретить меня на вокзале и доставить меня в мою будущую резиденцию.

Эту мою зыбкую надежду мужичок тут же разбил. Он энергично растряс свои отливающие жиром серо-грязно-коричневые кудельки и отвечивал:

– Ja!

И прозвучало это ну совсем как наше русское «я», ясно,

без акцента, – одно глубокое, бездонное разочарование.

Как я уже подозревала, багаж мой оказался для этого первого в моей жизни тевтонца – тяжеловат. Даже на четверть секунды не удалось герру Шмидту оторвать от земли мой чемодан. Что, в общем, было и не удивительно: китайского производства чудище хранило в себе кроме кучи немецких учебников и словарей еще и полдюжины чугунков, которые даже наш семейный силач Сергеич натошак не поднимет, и это – не считая еще десяти килограмм гречки, предназначенных служить мне в течение всего предстоящего года пищевой добавкой.

К вопросу о гречке: немецкой, равно как и вообще всей худосочной европейской культуре еды Баруся моя не доверяет. И не доверяла она ей еще задолго до того, как европейцы открыли в нашей необъятной стране дешевую свалку для их ладно упакованных, просроченных пищевых и фабричных отходов.

– От питания одними этикетками сытым и сильным не станешь! – сообщила Баруся, втискивая мешки с песочного цвета крупой ко мне в чемодан, – Гречка сюда нужна, эта ничем не заменимая, железом заряженная природная пушка, что каждому русскому человеку всю жизнь служить должна, от государственных яслей вплоть до государственной же богадельни. Тогда только мы их снова победим, всех этих немцев, причем окончательно победим! Тогда только Берлин станет наконец-то столицей отдаленной провинции на-

шей страны, не важнее какого-нибудь Кировочепецка, Архангельска или даже Мирного, нашей маленькой родины ба-а-альших-бальших алмазов!»

Баруся всегда была убеждена в том, что только именно благодаря ей, нашей русской гречневой каше, мой прадед Германию в итоге и освободил, и хребет фашизму сломал. Танковые колонны железного маршала Жукова оказались при этом лишь незначительной, ничего по сути не решающей поддержкой, не более того.

– Вы что это, Маргерита, никак танк с собой сюда привезли? – попробовал в честь моего приезда пошутить быстро до самых корней волос пропотевший герр Шмидт, – Танк Т34, в разобранном состоянии?

Он даже не догадывался, насколько правдивой оказалась его шутка.

– Не в разобранном состоянии, а в переплавленном, – откликнулась я, – Настоящую гречневую кашу сварить только в настоящем сибирском чугушке. Так по-крайней мере считает моя прабабушка... Э-э-э...

Тут только я заметила, что говорю не по-немецки, а по-русски. Удивленно глянула на моего первого немецкого работодателя. Он что же, меня действительно на моем родном языке спросил? Что же такое выходит, в сегодняшней Германии уже не говорят по-немецки? Вот дела!...

Тогда зачем же, спрашивается, я шесть месяцев терзала себя этим неподъемным языком? Сражалась с ним – зачем?

К чему были все эти муки? Для русского человека неудобоваримую грамматику жевала без конца, чужие идиотские слова и фразы наизусть учила, типа: « У меня имеется красное яблоко. У тебя тоже имеется красное яблоко? Нет, у меня нет красного яблока, однако у меня имеется зелёный огурец!» Черт! Зачем все это было?! И без этих с боем заученных мудростей можно было прекрасно обойтись. В Германии люди, как оказалось, вполне сносно изъясняются по-русски.

Дальше смотреть, как мой не то чтобы шикарный босс волочит по не то чтобы очень чистому перрону мой чемодан – сил у меня не было.

– Знаете что? Мы лучше сделаем наоборот, – предложила я и вырвала у него из рук мокрую от его пота ручку чемодана, – Давайте лучше я возьму чемодан, а вы – сумки. Они... они... хм... Они тяжелее.

И чтобы не задеть хозяина моей неумело заштопанной лужью, поспешила сменить тему.

– Где это вы научились так хорошо по-русски говорить? – поинтересовалась я.

Герр Шмидт улыбнулся во весь свой неприглядный рот и сказал.

– В школа!

Нате. Приехала, называется. Как будто и в помине нет тут никакой тебе Германии, никаких тебе немцев! Одна только моя старенькая сибирская родина с ее еще неокончательно

вымершими якутами, грамматику русского языка тоже не то, чтобы с молоком матери впитавшими. Такими как Владимир Владимирович, якутский дворник наш и сосед по нижней квартире, основательный алкоголик и Сергеича первый товарищ, для краткости именуемый также «Дым Дымычем», а в последнее время – еще и «премьером».

Незадолго до моего отъезда мы с Барусей за Дым Дымычем наблюдали, как он, держа вверх ногами метлу и раскачиваясь изо всех сил и во все стороны, наш двор подметал, усердно так.

– Эй, Дым-Дымыч! – крикнула ему еще из окна Баруся, – Ты где это, дорогой, успел уже так набраться-то, с самого что ни на есть ранья-то?

На какой-то миг прекратил наш якут палкой по асфальту скрести, надолго задумался и, на миг перестав качаться, собрался и бодро ответил.

– Где-где? Домой!

Понятно, что в конце он еще подвесил пронзительно крепкое русское словцо, в качестве компенсации за его вечно хромающую русскую грамматику. Без этого словца каждое русское изречение Дым Дымычу кажется слишком уж бледным, недостаточно точным, незавершенным. Как бы не до конца произнесенным.

Интересно, подумала я, знакомо ли оно, всеильное это русское словцо, и моему новому немецкому хозяину, коль скоро он в русской грамматике тоже, как выяснилось, не си-

лен? Вряд ли... Судя по шелковому шарфику, герр Шмидт относился скорее уж к интеллигентному человеку. Чемодан помочь нести вызвался.

Так я шла следом за герром Шмидтом и гадала, гадала: он что же, в самом деле такой, каким выглядит или всего лишь из тактических шкурнических соображений бессеребреником прикидывается? На жалость бьет. А если он и вправду нищий, то сколько же времени ему на мыле и стиральном порошке пришлось экономить, чтобы позволить себе и своим детям няньку? Этот самый герр Шмидт, он вообще как, – в состоянии платить мне зафиксированные в моем рабочем контракте 300 евро в месяц? Или нет? А что, если к концу месяца он мне вообще никаких денег не выдаст? Что тогда? На сто долларов домой в Мирный уже не вернешься. Ну и как я тогда тут жить буду? С чем и на что? Как я стану гнусной Олимпии фон Кляйстер ее гнусные 300 долларов возвращать? С каких доходов? Ой...

После долгой и муторной возни герр Шмидт выволок наконец мои сумки из уж казавшегося мне бесконечным здания вокзала наружу, к стоянке такси и поставил их прямо перед первой стоящей там машиной.

«Вот и славненько!» – робко порадовалась я, «На тачке поедем! Не трамваем и не пешком. Стало быть, водятся у герра Шмидта в кошельке деньжата! Не совсем уж бомж.»

Радость моя однако оказалась мимолетной. Втиснув, понятно, не без моей помощи, мое дорожное хозяйство в ба-

гажник и распахнув с почти барским размахом передо мной заднюю дверь, мой новый работодатель описал вокруг “мерса” полукруг и тоже сел в машину. На место шофера.

– Окей, – с облегчением произнес он, судя по акценту уже по-немецки.

– Окей, – по-русски ответила я и попыталась улыбнуться.

Глава 5

«Счастливая ты! В Германию вон едешь!» – завидовала я сама себе всего-то пару месяцев тому назад, – «Заживешь там по-настоящему, по-европейски: в модерновом, не абы как отремонтированном дворце с ухоженным садом, с бассейном, с тренажерным залом, с прислугой улыбчивой. Сразу по приезде получишь в собственное распоряжение маленькую спортивную машинку, а может, еще и маленькую кроткую лошадку впридачу. И все это за то, что ты согласилась парочку часиков в неделю поиграть с парочкой благовоспитанных немецких деток. Не жизнь тебя в Германии ждет, а рай. Тот самый рай, о существовании которого твои родители, твои героические дедки и бабки и не подозревали...»

Через час с небольшим мы с герром Шмидтом были на месте: в дальневосточном берлинском раёне Хеллерсдорф. Уже вылезая из такси, я поняла, что рай раю рознь. Приятная европейская жизнь пролетела мимо меня, я ее и рассмотреть-то толком не успела. Далеко позади остались увитые зеленью особняки, холеные автомобили и аптечной чисто-

ты улицы. В том медвежьем углу, в котором я оказалась, не то что собственными машинами и собственными лошадьми, там даже мало-мальски досмотренными немецкими детьми не пахло.

Та хмурая, невнятного возраста особь, с мужественной, по самую грудь щетиной, но в бигудях и с алым лаком на ногтях, что нам открыла тощую, несерьезного вида дверь, оказалась, к моей радости – не фрау Шмидт.

– Это – Сэнди! – сказал герр Шмидт, – Наш добрый ангел. Живет в верхней квартире и иногда нам помогает.

Сосед, значит.

– Ну наконец-то! – прогудел Санди, – Я уж боялся, снова придется больничный брать!

Выходит, что пока герр Шмидт тосковал на вокзале, дожидаясь моего, опаздывающего на два с половиной часа поезда, этот «добрый ангел» следил за тем, чтобы дети его пальцев в розетки не втыкали, пуговиц не глотали и друг другу кудряшек не выдирали. Где пребывала сама фрау Шмидт, пока ее годовалые близнецы ползали по усыпанному сырой вермишелью полу, – этого мне по-видимому пока никто говорить не собирался. А спрашивать сама я на всякий случай не стала.

Как только Сэнди ушел, мой новый работодатель отвел меня в безоконную каморку за кухней и широким жестом указал на пол. На полу лежал надувной матрац в бледную голубую и розовую полоску. Судя по его общему состоянию,

матрац этот был приобретен еще в пору герра Шмидта ранней юности. Не позднее, чем лет тридцать назад, и однозначно: не в западном отсеке этой страны.

– К сожалению, меня своевременно никто не проинформировал о том, что направляемая ко мне агентством RussNanny молодая дама окажется... такой... такой... хм... таких несколько выходящих за среднестатистические размеры, – сказал, слегка запинаясь герр Шмидт, – Я, честно говоря... ожидал принять... несколько более скромн... несколько более компактную няню...

Он трезво осмотрел все мои 84 кило, сначала сверху вниз, затем справа налево, и, подумав немного, добавил:

– Если вам тут будет слишком узко и твердо, я, могу вам еще один матрац... ээээ... надуть... если желаете. У меня в подвале имеется еще один. Немножко, правда, дырявый, но... это ничего... Я завтра его на работу отнесу... Там мне его заклеят.. Для вас... Бесплатно...

– Не надо мне второго матраца, – с кислинкой улыбнулась я, – Я ведь, знаете, не принцесса какая...

А про себя подумала: «При чем тут матрац? В этом лопнувшем воздушном замке я ведь все равно надолго не останусь. Ну, самое большее – месячишко какой-нибудь. Пока первую зарплату не получу, долг Олимпии пока не отдам. А там уж: прощайте-с, майн герр! До свиданьица! Уж такой рай как у вас тут, на надувных дырявых матрацах, я и сама в другом месте найду! Точно найду! Легко!

Легче поступок наметить, чем его сотворить.

Райские места в Германии, конечно же, имеются, вот только путь к ним, от нашего берлинского микрорайона Хеллерсдорф – оказался не намного ближе, чем от моего родного города, что лежит в двух шагах от Северного полярного круга. Можно было конечно собраться духом, купить проездной билет по Берлину за 25 евро, такой, чтоб с охватом всех благополучных окрестностей, и двинуться на поиски райского рабочего места самой, от замка к замку, от коттеджа к коттеджу, от виллы к вилле. Но как практически подступиться к такому подвигу – я не знала. Опыта не было. Ходить от двери к двери и улыбаться? С одной стороны – не приучена, с другой – улыбка у меня, как считает Баруся – если надо – вполне ничего получается. Невредная. Но куда при этом коляску с близнецами девать? Не таскать же годовалых детей с собой как цыганка или как активистка «Свидетелей Иеговы»? Тогда на порог уж точно не пустят. И пропал дорогуший проездной билет. Денег жалко. И без толку затасканных детей.

Да и хозяина моего, герра Шмидта, при таком раскладе тоже как-то жалко становилось. Только-только ведь от одной бросившей его карьеристки отошел, а тут уже и следующая на очереди. Не по-людски это. Он конечно же не принц, этот, под грузом безрадостных жизненных обстоятельств полурухнувший отец-одиночка. Но не пьет и не дерется. Хотя и мог бы. Простой мрачноватый мужик, но работающий. Целыми днями полосует Берлин из конца в конец, чтобы хоть как-

то прокормить себя и своих, оставшихся без матери близнецов. Теперь вот и меня себе на плечи взвалил. Черт-те откуда залетевшую здоровую деваху с аппетитом молодого льва и с грохочущим акцентом, от которого даже кроткие среднеевропейские мухи, и те гложут.

Чем-то мне мой новый хозяин Иннокентия Терентьевича Мережко напоминал, нашего школьного учителя русского языка и литературы. Он тоже всегда мне казался таким: бестолковым и несчастным. Еще школьницей я все не могла в толк: он от того такой несчастный, что бестолков, или наоборот? Из вечного неудачника в конце концов нередко полнейший идиот вылупляется.

Одно было ясно: на того сказочно милого и состоятельного немецкого мужчину, о котором мы с подружкой моей, Галкой Дубовой, когда-то так усердно мечтали, герр Шмидт никак не тянул. Жизнюшку он вел неинтересненькую, европейского качества в ней – абсолютный ноль. Улыбка редко посещала его лицо, а если такое иной раз и случалось, то только чтобы предъявить массивные преждевременные морщины, и зубы, которые уж никак не пристали привыкшему к нормальной и здоровой еде гражданину. Гимнастических залов герр Шмидт сроду не посещал, не говоря уж о всяких там вернисажах, премьерных показах и прочих столичных тусовках. В его насквозь прокуренном шкафу костюму нет места. У него даже порядочного пиджака, и того не найдется.

Короче, полнейшая противоположность сказочному

принцу... Хотя... Если подумать: такую, как я никакой сказочный принц к себе на работу никогда бы и не взял. Ведь кто я здесь? Так себе: к употреблению мало пригодный дешёвый товар, сомнительного импортного производства. Вроде моего китайского чемодана, который тоже свою пасть всё невовремя распахивает, да и вообще, мало на что не годится. Уж для своих-то детей, заведись они вообще у него, сказочный принц наверняка бы подобрал гувернантку попредставительнее, такую, чтобы как минимум с тремя европейскими языками и как минимум с мало-мальским толковым образованием в запасе. Не такую как я, с моим эмбриональным немецким, да с дипломом, выданным заштатным сибирским профучилищем. С указанной на нем неходовой специальностью «стенографиста». К тому же русскоязычного. В этом насквозь компьютеризированном, да еще повернутом на Запад мире – совершенно невостребованная квалификация. Ведь даже для того, чтобы изложить на бумаге эту, приключившуюся со мной криминальную историю все мои, помеченные отметкой «отлично» качества нисколько негодились.

Глава 6

„Всё-всё, что нас окружает – одна лишь подлая видимость и обман».

Наш с Галкой школьный учитель русского языка и русской литературы, Иннокентий Терентьич Мережко, нам это частенько повторял.

«Всё-всё, что мы внутри себя похороненным носим, что

света божьего никогда не видело и не увидит, – вот это-то и есть настоящая, правдивая реальность, данная нам в непосредственное ощущение. В эту реальность заодно запишем и тот язык, на котором мы думаем, чувствуем и мечтаем. Тот невоспроизводимый, никому, кроме нас же самих не слышимый диалект, который в нашем обычном повседневном быту нам только и делает, что мешает."

Короче, тем еще чудилкой был, этот наш Иннокентий Терентьевич. "Совершенно лишний человек, он же герой нашего времени", если описать его его же любимой цитаткой. И учил нас этот "совершенно лишний человек-герой нашего времени", по нашему с Галкой Дубовой мнению, – совершенно лишним в наше время героическим предметам. Умение вышивать крестиком, казалось нам, вязать на спицах, плести кружева на пяльцах или даже просто лущить гречку вручную – нам куда больше в жизни бы пригодилось. Тот же негодный и недоходный язык, которому Иннокентий Терентьевич нас так яростно и самоотверженно учил, и те книги, что он нам в качестве обязательного чтения навязывал, – давно пора бы по-хорошему-то списать за ненужностью в утиль и забыть. Пушкиных всяких, Лермонтовых, Пастернаков – в одну бы архивную графу с неандертальцами и кроманьонцами внести, этими вымершими, боковыми и тупиковыми ветвями в развитии человеческой цивилизации. Тогда только, может, и пройдет у нас наконец, как проходит заразная болезнь, массовая безработица среди людей моей квалификации. А

то вон, куда мы с таким лишним багажом заехали: даже в России русскоязычной стенографистке в наши дни никак не найти никакой мало-мальски приличной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.